

Л.Э. Калнынь

Институт славяноведения и балканистики АН СССР
Москва

Sound speech is naturally segmented according to phonetic word program, which is present in the conscience of speakers in the process of speech production and speech perception. Phonetic word program as a wholesale unit is organized according to interrelations, which should not be considered only as a combination of discrete elements of the sound/phoneme type.

Being set as a process extended in time, the phonetic word program is determined by the basis of articulation, by distaxia of linear bonds (interrelations), by communicative non-equivalence of certain word parts.

The problem is examined on the material of Russian phonetics.

1. Основой фонологического моделирования является представление о звуковой речи как о последовательности дискретных единиц типа звук/фонема. Путем операций с дискретными единицами устанавливаются правила их сочетания и противопоставления, делаются заключения об инвентаре фонем и их функциональных характеристиках. Логика непротиворечивой языковой модели предполагает, что она максимально способствует пониманию сущности интерпретируемого объекта. Однако знание об устройстве фонемной системы языка отнюдь не дает гарантии: 1/ понимания звучащей речи, 2/ умения произнести иноязычное/инодиалектное слово, 3/ выявления причин устойчивости/изменчивости отдельных фрагментов языкового идиома.

Это заставляет предполагать, что в звуковой речи актуализируются правила и связи, которые не могут быть сведены к комбинации/нанизыванию дискретных единиц типа звук/фонема.

Умение делить слова на звуки у носителей языка обычно вырабатывается на основе ассоциаций с буквенной передачей слов при фонетическом типе письма/хотя и при

этом может выделяться название буквы, а не собственно звук языка/; с отсутствием названного умения связаны и известные факты неправильной идентификации вырезанных из слова звуков. Более естественно деление слова на слоги - слогоделение может произвести каждый говорящий, руководствуясь при этом интуитивным ощущением правильности слогораздела [1]. Но, как представляется, натуральной и основной единицей членения звукового потока является фонетическое слово. Именно оно как фонетическое целое присутствует в сознании говорящих при порождении и восприятии речи.

Организация слова как целостной единицы регулируется специальным набором правил, которые могут быть интерпретированы в виде задаваемой в сознании говорящих произносительной программы. Рассмотрим эту проблему на материале русской литературной и диалектной фонетики.

2. Фонетическая программа слова определяется:

- 1/ артикуляционной базой идиома;
- 2/ правилами линейной организации звуковой последовательности;
- 3/ коммуникативной неравнозначностью разных частей слова.

Артикуляционная база, создавая общую звукообразующую установку, общую инвентарную речь, характеризуется не только комбинацией органов речи, но и артикуляционными переключениями, что осуществляется в пространстве более длинном, чем звук. В принципе можно считать, что полем этих переключений является именно слово, т.е. звуковая последовательность, ограниченная с обеих сторон потенциальной паузой.

Правила артикуляционной базы стабилизируют фонетику слова, компоненты которой связаны и не поддаются избирательной замене - артикуляционно перестроена может быть лишь вся звуковая цепь. Даже особенности, внешне как бы относящиеся к изолированному сегменту, в действительности определяют окружающую артикуляционную среду - так *уага* и *гага* различаются не только способом образования первого согласного, но и качеством первого гласного - после взрывного заднеязычного он более высокого и напряженного образования, чем

после фрикативного.

Звуковая последовательность, образующая фонетическое слово, организуется преимущественно по правилам дистактных связей, т.е. вне непосредственного артикуляционного контакта сегментов. Фонетическая программа слова задается как процесс, протяженный во времени. Связь между артикуляциями планируется до произнесения слова, а реализация плана начинается с инициальной артикуляции. Согласно этому первый звук приспособляется к следующему еще до произнесения последнего.

Дистактность связи даже между рядом стоящими звуками подтверждается сохранением результатов регрессивного позиционного изменения вопреки исчезновению позиции, вызвавшей его. Ср. прерванное произношение, когда первый звук демонстрирует качество, полученное от только подразумеваемого, но не произнесенного звука (*s' - /p'isat', or - /t'and't', диал. om - /man, og - /man*); диал. упрощение конечных консонантных сочетаний с сохранением позиционной мягкости оставшегося согласного (*ka's't'i, kov', k'z'n'i, k'z'*).

Дистактные изменения согласных в условиях внешнего сандхи - ср. звонкость согласного в предвидении инициальной гласной или сонанта в следующем слове (т.е. *d#v, son*). Именно дистактность связей в фонетическом слове отражает диалектное явление сохранения звонкости согласного перед глухим после нулевой редукции разделявшего их гласного [2] - гласный продолжает присутствовать в сознании говорящих как элемент, определяющий качество предшествующего согласного. На этом же основан известный факт синтагматической прозрачности *v* при уподоблении шумным по участию голоса (*g vdo - /k'vam*) ; то же относится к *l* в *diak. y'l'd'in'i, no k'l'id'im*.

Собственно контактные лишь прогрессивные уподобления в звуковой цепи - в рус. диал. *va's'ka, no skaska*, замена *k > k'* может произойти только при условии, что *s'* уже произнесен; то же *t > t'* после *k* в *ja's'ke* при *daj't'e; t > t'* после *s* в *sa'n'et* при *t'an'et*.

Контактная ассимиляция гласных предшествующему согласному (*ta, t'a*) и дистактная - последующему (*t'et, t'ot, t'at, t'et'*). Характерно, что результаты дистактных связей в большей степени замечаются аудитивно, и они же проецируются на фонемный уровень.

Дистактность связей в рамках фонетической программы слова очевидна при выборе гласных на основе принципа межслоговой вокальной гармонии, что свойственно русской фонетике в большей мере, чем это принято считать. Регламентированность последовательного выбора гласных в слове лежит в основе тех типов безударного вокализма, которые не различают гласные неверного подъема. Ср. лит. аканье [*CaCl/C'i-2*], [*C'a Cl/C'i-2*]: *э* в трехсложном слове сигнализирует возможность следующих *у, и, л*, но не

а, о, э после твердых согласных, *и, у*, но не *э, а, о, л* - после мягких; гласный же *л* предполагает следующий слог только под ударением; диссимлятивное аканье - [*CaCa*], где предударный гласный ориентирует только на *а* под ударением.

Подобие гласных разных слогов лежит в основе тех типов русского диалектного вокализма после мягких согласных, которые традиционно принято объяснять уподоблением гласного согласному в рамках сочетания *VC*. Это - ёканье и умеренное яканье. Из имеющихся интерпретаций этих вокальных типов наиболее близкой к существу явления кажется та, которую дал П.С. Кузнецов [3]. Выбор предударного непереднего (*о, а*) или переднего (*е, и*) гласного произведен не от твердости-мягкости следующего согласного, а от вокального элемента следующего слога. Перед сегментом, имеющим завершение низкого тона, произносятся *о, а*; при высоком тоне конца сегмента, что образуется и гласными *о, а, и*, произносятся *е, и*. Эти отношения формируют модель словогового сингармонизма типа [*o/a(C,CC)a, o, i, u*] [*e/i(C',CC')i, e, 'o, 'a, 'u*].

Слоговой сингармонизм проявляется и в динамике диалектного вокализма - при освоении литературной нормы замена предударного *о* на *а* раньше всего происходит перед слогом с ударным *а*; предударный *а* после мягкого согласного в первую очередь устраняется перед ударным *е*, в последнюю - перед *а* [4].

Взаимозависимость качества гласных в слове накладывает известные ограничения на количество слогов в слове - принцип вокальной гармонии в сочетании с большой длиной слова создает произносительные неудобства. Наиболее распространенная длина русского слова до четырех-пяти слогов. Более длинные слова образуются с помощью ограничения количества суффиксов или являются заимствованными по своему происхождению. Характерно, что именно в акающих говорах, где вокальная гармония очевидна, имеется тенденция к сокращению слогов в слове путем редукции до нуля безударных гласных.

Дистактные связи принципиально суперсегментны - даже, если полем их реализации являются рядом стоящие звуки. Но при этом в русской фонетике более важно качество второго сегмента и его воздействия на первый. Поэтому, как было показано, результаты регрессивного изменения могут быть изолированы от следующего сегмента/т.е. он может действовать как еще не реализованный элемент плана/, но устранение саганного результата регрессивного изменения автоматически меняет следующий сегмент/при звонком сандхи произношение глухого согласного в конце слова влечет за собой глухость согласного в начале следующего слова/.

Анализ звуково* речи через призму фонетической программы слова приводит к выводу, что суперсегментные связи реализуются в русской фонетике шире, чем это принято

считать. Возможны случаи, когда явления, традиционно относимые к числу сегментных, обнаруживают суперсегментное содержание, если их рассматривать как компонент фонетической программы слова. Пример: при замене рус. диал. фрикативного взрывного *g* результат оглушения в *x* перед паузой сохраняется. В сегментном отношении устранение этой диалектной черты не связано с овладением новой артикуляцией или новой последовательностью сегментов. Оно связано с овладением новой фонетической программой согласно которой звонкий задненосный в предвидении паузы должен заменяться согласным *k*, а не *x*. Суперсегментная связь распространяется на серию *g - x - #* или *g - k - #*.

Преобладание суперсегментных связей в фонетическом слове способствует его фонетической стабильности и выделению как целостной единицы в звуковом потоке. Можно также отметить, что при конкуренции сегментной и суперсегментной мотивации явления сам факт его устойчивости может рассцениваться как аргумент в пользу его суперсегментной обусловленности. Подчеркиваем, что имеем в виду факты, суперсегментное содержание которых не лежит на поверхности, в отличие, например, от таких явлений, как акцентный или интонационный контур слова.

Компоненты фонетической программы слова тесно взаимосвязаны. Иногда нельзя решить, обусловлена фонетика слова артикуляционной базой или правилами линейной организации звуковой последовательности. Пример: рус. диал. *v > j/w* перед согласным и на конце слова, только твердость губных перед паузой могут быть результатом: 1/ отсутствия навыков в переключении: губно-зубного сближения в консонантную артикуляцию и в паузу — это возможно лишь из биллабиального сближения; палатализованности в губном ряду в паузу — это возможно только из артикуляции твердого согласного; 2/ произносительной программы, согласно которой *v* заменяется *j/w* мягкие губные твердыми в предвидении следующего согласного или паузы; отсутствие указанной звуковой мены для говорящего автоматически сигнализирует и иное качество следующего сегмента.

Видимо, актуальность обеих мотивировок делает эту черту русской диалектной фонетики очень устойчивой.

В естественной речи слово как фонетический процесс не может иметь на всем своем протяжении одинаковый уровень коммуникативной нагрузки — в одних частях слова он выше, в других — ниже. Это находит отражение и в артикуляционной специфике разных частей слова. Чем выше коммуникативная значимость сегмента, тем более старательно он произносится, а это, в частности, способствует реализации сложных, отчасти и неудобных артикуляций. В этой связи можно отметить, что в рус. слове

коммуникативная нагрузка снижается от начала к концу слова. Этому соответствует развитие артикуляционного движения от более сильного /сложного/ к более слабому /простому/. Так, консонантное оформление начала слова сложнее, чем оформление конца — инициальных консонантных сочетаний разного типа больше, чем конечных.

Как известно, в русской фонетике к числу неудобных относятся инициальные сочетания сонорных с шумными (*Son+t*) и конечные сочетания шумных с сонорными (*t+Son*). Эти сочетания противостоят доминирующей тенденции к повышению звучности консонантной последовательности в начале слова и ее спаду в конце [5]. Тем не менее не только в литературном языке, но и в диалектах, чья фонетика свободна от давления графических ассоциаций, присутствуют инициальные сочетания типа (*Son+t*). В диалектах это отступление от принципа восходящей сонорности тем реже, чем длиннее консонантное сочетание. Так, нет трехденных сочетаний, начинающихся на латеральный или вибранный согласный; для четырехденных сочетаний обязательно иметь в своем конце сонант. В то же время в тех же диалектах консонантное оформление конца слова не имеет отступлений от принципа понижения сонорности. Сочетания типа (*t+Son*) устраняются вставкой интерконсонантного гласного, утратой сонанта или приданием ему слоговости. В последнем случае сонант переводится в категорию сегментов, на которые не распространяются критерии построения консонантных сочетаний. Понижение сонорности в конце слова достигается и оглушением сонантов [6].

Эти факты показывают, что начало слова, открывая реализацию фонетической программы, находится в сфере большего внимания со стороны говорящих, чем конец слова, где действует более определенно критерий произносительного удобства. В целом это отражает разную коммуникативную нагрузку начала и конца слова.

В таком же соотношении находятся предупредительная и заударная части слова в рамках его фонетической программы. Предупредительная часть слова коммуникативно более нагружена и поэтому находится в сфере большего внимания со стороны говорящих, чем заударная. Это может проявиться в более сильной редукции заударных гласных в сравнении с предупредительными в разговорной речи и в диалектах [7]. Приоритет предупредительной части слова просматривается и в характере тех изменений, которые происходят при утрате интервокального *j* — стяжение охватывает заударные гласные или ударный + заударный но не предупредительные [8].

При перестройке безударного вокализма с целью устранения из него диалектных особенностей раньше и с большим успехом это происходит в предупредительной части слова. Например, такая рус. резко диалектная черта, как безударный *o* после мягких соглас-

ных, устраняясь или ослабляясь в предупредительной части слова, стойко держится в заударных слогах (*t.e.v'esná||v'osná*, но только *v'et'or, im'or*). Этим же объясняется сохранение более архаической фонетики в послекорневых морфемах, находящихся преимущественно в заударном положении [9].

3. Рассматривая слово как реализацию фонетической программы, мы подчеркиваем, что компонентами этой программы являются аудитивно воспринимаемые элементы, которые принято квалифицировать как сегментные единицы без учета их суперсегментной обусловленности. Собственно, обоснование фонетической программы слова необходимо именно на аудитивном уровне, так как инструментальный методом причинно-следственные связи в звуковой цепи, образующей слово, устанавливаются с достаточной степенью определенности [10].

Интерпретация звуковой речи как серии фонетических программ слова не является лишь приемом научного анализа, но отражает объективную реальность. Это подтверждается, в частности, возможностью создания на основе этих программ фонетически правильных, хотя и лишенных смысла текстов. В то же время синтез речи как нанизывание актуальных для данного языка фонематических единиц без учета дистактных связей, характерных для фонетических программ слов, не только создает впечатление фонетически неестественной речи, но и может затруднить ее понимание.

Будучи основной произносительной единицей, фонетическая программа слова играет стабилизирующую роль в фонетике idioma. Как устройство более сложное, чем дискретная единица, программа устойчива по отношению к разнообразным воздействиям извне /например, в условиях языковых контактов/. При этом сохраняется может состояние структурно менее "удобное" /более сложное/ [11].

Фонетическая программа слова функционирует как основной коммуникативный элемент — при порождении речи и при ее восприятии звуковая цепь членится на отрезки, в целом регламентированные фонетической программой. Это, в частности означает, что эффективная постановка произношения, его коррекция осуществляется только через слово, но не звук.

На фоне сказанного можно сделать вывод, что расчленение слова на дискретные единицы типа звук/фонема не имеет объективных оснований в фонетическом процессе, каковым является звучащая речь. Выделение этих единиц следует рассценивать как операционный прием научного анализа, дающий возможность создать статическую модель процессуального по своей сущности объекта. Именно поэтому фонематические характеристики, с одной стороны, могут строиться на разных логических основаниях, а с другой, никогда не отражают всех, даже аудитивно воспринимаемых особенностей звучащей речи; не всегда могут быть одно-

значно определены границы дискретной единицы. Принципиальное различие между реальным строением звуковой речи и ее фонематическим моделированием надо в большей степени принимать во внимание при характеристике звукового строя языка.

Примечания.

1. Kalnin L. To the question of functioning of the Syllable. Paper presented to the Tenth International Congress of Phonetic Sciences (Utrecht 1983). М., 1983.
2. Пауфшима Р.Ф. О структуре слога в некоторых русских говорах. В кн. — Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977, с. 217; то же в кн. Русская разговорная речь М., 1973, с. 60.
3. Кузнецов П.С. О гласных первого предупредительного слога в некоторых владимирских говорах. В кн. — Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка АН СССР, в.4. М., 1948.
4. Войтович Н.Т. К вопросу о путях развития аканья в восточнославянских языках. В кн. — ОЛА. Материалы и исследования. М., 1974, с. 33; Кириллова Т.В. Динамика диалектного вокализма в советский период. АД. Калинин 1980.
5. Аванесов Р.И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956, с. 41.
6. Калнынь Л.Э., Масленникова Л.И. Опыт изучения слога в славянских диалектах. М., 1985.
7. Русская разговорная речь, с. 46.
8. Русская диалектология. Под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. М., 1964, с. 91.
9. Калнынь Л.Э. Об организации фонологических систем смешанного типа. ОЛА. Материалы и исследования. М., 1975, с. 108.
10. Ср., например, Сорокин В.Н. Теория речеобразования. М., 1985.
11. Chloupek J. Aktualní otázky dialektologie. Jazykové Sympozium 1971. Brno, 1973.